

**ВОКРУГ ФРАНКА: КОНТЕКСТ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ**

**О книге Г. Е. Аляева «Русская философия вокруг С. Л. Франка.
Избранные статьи». М.: Модест Колеров, 2020. 736 с.
(Исследования по истории русской мысли. Т. 23)**

Илья Ильич Павлов

Стажер-исследователь, Международная лаборатория исследований
русско-европейского интеллектуального диалога,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, каб. 215
E-mail: elijahpavloff@yandex.ru

В книге Г. Е. Аляева обобщены многолетние исследования, посвященные философии С. Л. Франка и других русских мыслителей. В ней помещены проблемные статьи, раскрывающие особенности творчества русских философов, и результаты архивных изысканий. В подходе Аляева соединяются аспекты концептуального анализа, истории рецепций и архивной работы. Авторская методология открывает перспективы для дальнейших исследований: основные разделы книги демонстрируют реализацию на практике исследовательских идей, сформулированных во введении. Комплексный метод подразумевает альтернативу бесконечным спорам, является ли русская философия «плохой» или «хорошей», «лучше» она западной или «хуже». Аляев признает: отечественная мысль, сама часто осмысливавшая себя как более приближенную к реальной жизни, чем западные школы, эксплицитно ставила задачей выработку национальной идеи, однако не может быть сведена к ней; более того, приближенность идей русских философов к практическим и политическим вопросам раскрывает ее актуальность для современных интеллектуальных дискуссий. Размышления Аляева близки подходу к изучению русской философии, демонстрируемому в работах нидерландского исследователя Э. ван дер Звейрде, подчеркивающему: не нужно противопоставлять национальное измерение философии универсальному. Тем не менее, методологический аспект в книге Аляева раскрыт недостаточно и, по мнению автора рецензии, может быть плодотворно дополнен современными подходами интеллектуальной истории.

Ключевые слова: Г. Е. Аляев, С. Л. Франк, русская философия, советская философия, Эверт ван дер Звейрде, постсекулярный поворот, демифологизация русской культуры.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-3-220-229

В нынешнем году увидело свет сразу несколько примечательных книг, посвященных истории русской философии. Одна из них — сборник статей Геннадия Евгеньевича Аляева, опубликованный под названием «Русская философия вокруг С. Л. Франка». Книга обобщает многолетние исследования автора, посвященные философии этого и других русских мыслителей.

Книга Аляева делится на пять частей — введение, три части основного содержания, приложение. Введение представляет интерес для любого исследователя русской философии. В нем две статьи. Первая посвящена общим проблемам (методологическим, историческим и экзистенциальным) современных исследований. Вторая — проблеме определения периода классической русской философии и выделения ее основных характеристик.

В первой части опубликованы статьи автора, посвященные непосредственно Франку. К изучению наследия философа Аляев подходит с разных сторон. Условно можно выделить статьи, в которых автор продельывает концептуальный анализ позиции Франка по тому или иному вопросу (трактовка философии как дисциплины; взгляды на историю русской философии); статьи, посвященные рецепции Франком идей других отечественных мыслителей (в частности, В. С. Соловьева); работу с архивными документами и рефлексию того, как именно результат исследований влияет на понимание философии Франка в целом (например, в обнаруженных Аляевым текстах, ранее не включенных в библиографию работ философа).

Эта часть книги, полагаю, может заинтересовать не только исследователей наследия Франка, но и всех историков русской и зарубежной мысли: можно увидеть, каким образом в подходе Аляева соединяются аспекты концептуального анализа, истории рецепций и архивной работы. Они, конечно, неотделимы друг от друга, тем более друг другу не противопоставлены. Архивные изыскания, сколь бы ценными ни были сами по себе, не могут освободить ученого от необходимости понимания тех концепций, которые излагаются в документах. Идею, в свою очередь, бессмысленно реконструировать в отрыве от истории рецепций, контекста влияний и полемики, ведь всякий философ, даже классик, стремящийся к познанию универсальной истины, делает это не в вакууме: и выбор методологии, и постановка проблем, и способ аргументации, и, во многом, результат философствования определяются идейным и жизненным контекстом, в котором осуществлялась работа. И, в свою очередь, понять реальную историческую плоть философской мысли можно, только обращаясь к «самим вещам» — к архивным документам, в которых можно найти не только новые идеи: здесь и связь профессиональной деятельности с биографией и личными отношениями, свидетельства о которых можно обнаружить в переписке и записных книжках. Различие методологических подходов, представленных в первой части, позволяет лучше понять те проблемы, которые автор обсуждает во введении.

Вторая часть книги представляет собой подборку статей Аляева, посвященных другим русским философам и мыслителям: П. Я. Чаадаеву, Н. В. Гоголю, А. А. Богданову, В. И. Ленину, П. А. Флоренскому, Н. А. Бердяеву, С. И. Гессену, В. В. Зеньковскому, А. Ф. Лосеву. Стоит особо отметить, что автор не ограничивается религиозно-философской традицией отечественной мысли, но обращается и к атеистической парадигме. В первой статье введения подчеркивается негативное влияние идеологической ограниченности на качество исследований, причем указывается, что она имела место не только в советский период, когда доминировала марксистско-ленинская идеология, но и в постсоветский, когда возник обратный эффект: «перегибая палку, по известной привычке, в обратную сторону, многие стали воспринимать русскую философию исключительно в ее религиозном облике, вымарывая или уничижая теперь уже ее материалистически-атеистические страницы» (Аляев, 2020: 14).

В третьей части, «Из личного архива», исследователь обращается к творчеству и идеям экономиста, социолога и писателя-утописта А. В. Чаянова.

Завершают книгу религиозно-философское эссе о феномене смеха, опубликованное вместо заключения, и приложение — библиография работ Аляева.

Давая опубликованной книге общую оценку, хочется не только отметить все ее достоинства — что сделать в одной рецензии невозможно, — но и подумать, какие перспективы для дальнейших исследований открывает предложенный автором подход и намеченные им проблемы.

Как уже говорилось, основные разделы книги демонстрируют реализацию на практике исследовательских идей, сформулированных во введении. Так, в статье об общих проблемах историко-философских исследований русской мысли автор подчеркивает, что в рамках всякой истории философии необходимо учитывать комплексность ее предмета, включающего в себя универсальное, национальное и личное, или экзистенциальное, измерение. Во многих же исследованиях русской мысли эта комплексность часто не замечается, из-за чего и возникают крайности — например, чересчур выпячивается национальная сторона русской философии, вследствие чего русская мысль трактуется в духе идеологий национального мессианизма (Там же: 19). Отметим, что и в противоположных подходах, исключительно критических по отношению к отечественной традиции мысли, также делается упор на ее «русскость», противопоставляемую западной профессиональной культуре. Таким образом, комплексный метод, намеченный автором, подразумевает альтернативу бесконечным спорам, является ли русская философия «плохой» или «хорошей», «лучше» она западной или «хуже». Аляев признает: отечественная мысль, сама часто осмысливавшая себя как более приближенную к реальной жиз-

ни, чем западные школы¹, была активно вовлечена в общественные дискуссии и действительно часто эксплицитно ставила задачей выработку национальной идеи. Это, конечно, надо учитывать, не игнорируя, однако, тот факт, что подобная ориентированность отнюдь не препятствовала поиску универсальной истины, в первую очередь — экзистенциальной, общезначимых ответов на вопросы о смысле жизни. В дальнейших статьях автор наглядно доказывает этот тезис.

Отметим, что размышления Аляева крайне близки тому подходу к изучению русской философии, который мы можем обнаружить в работах нидерландского исследователя Эверта ван дер Звейрде. Так же как и Аляев, ван дер Звейрде подчеркивает: не нужно противопоставлять национальное универсальному; русская философия, разумеется, имеет особенности, но в ней обнаруживаются и интересные для западного читателя интеллектуальные ходы. И точно так же как Аляев, ван дер Звейрде не сводит предмет исследования ни к советско-атеистической, ни к религиозной мысли, но анализирует обе². Более того, пожалуй, ван дер Звейрде недостаточно раскрывает экзистенциальный аспект, выделенный Аляевым: этот момент значим не только для отечественной традиции. В таком ключе подход Аляева, объединяющий внимание к экзистенциальной стороне и изучение теоретических концепций и национальных особенностей их разработки, открывает новые перспективы.

В то же время идеи Аляева позволяют нам расширить предложенную им методологию. В частности, подробно обсуждая общую рамку своих исследований, автор практически ничего не говорит о методологии, ограничиваясь следующим: «Методология исследования русской философии, конечно, не может принципиально отличаться от общих принципов историко-философской науки. Поэтому речь здесь пойдет не о формулировании этих общих принципов, а скорее о результатах их применения» (Аляев, 2020: 16). Разумеется, методы, применяемые к изучению различных национальных интеллектуальных традиций, не могут различаться. Тем не менее этим утверждением методологический вопрос не может быть исчерпан и требует особой рефлексии, поскольку методология — отнюдь не формальные пассажи, прописываемые во введениях к диссертациям, а то, что реально влияет на результат исследования и объективное понимание его предмета. На Западе данный вопрос подробно обсуждается в разных направлениях — от известного эссе прагматиста Ричарда Рорти (Рорти, 1994) до Кембриджской школы интеллектуальной истории³. Большинство направле-

¹ В этом плане, добавлю от себя, классическая русская философия оказывается более близкой не традиционной, а современной западной мысли, в первую очередь — континентальной философии после Хайдеггера. Так же как и последняя, русская религиозная философия, противопоставляющая себя отвлеченному рационализму, не чуждается обращения к искусству и тесно связана с актуальной политической повесткой.

² Методологический подход Звейрде и примеры его работы с идеями русских философов см.: Звейрде, 2017.

³ Получить общие сведения об этом направлении можно в книге: Атнашев, Велижев, 2018б.

ний подчеркивают необходимость прочтения текстов и понятий как действий, совершаемых в реальном контексте; в особенности этот подход популярен в истории политической философии, идеи которой трактуются как реальные политические действия.

Думается, что применение такой методологии — или, напротив, ее обоснованная критика и разработка альтернативной — позволило бы целостно охватить те аспекты русской мысли, которые Аляев освещает с разных сторон. Разумеется, для сборника статей, в отличие от монографии, не столь важна систематическая рефлексия, однако именно комплексный подход позволил бы исследователям отечественной интеллектуальной истории в более общем плане разработать проблему, вынесенную в заглавие книги, полнее понять феномен «русской философии вокруг Франка», то есть дать последовательное научное объяснение места личности и концепций Франка в цепочке связанных друг с другом событий и идей, составляющих полотно истории русской философии. В частности, для решения такой задачи было бы полезно не только проанализировать идеи Франка в исключительно теоретическом поле (что, несомненно, тоже важно и что нельзя упускать из виду), но и понять, каким перформативным действием они обладали (или должны были обладать) в реальном историческом — и социальном, и личностном, и биографическом, и политическом, и религиозном — контексте. Аляев подробно реконструирует этот контекст, но последовательная методологическая рефлексия могла бы упростить задачу.

Также хотелось бы отметить, что, хотя Аляев и поднимает социально-политические темы, в его работах все же доминирует концептуальный анализ. Однако рассмотрение философских идей и политико-социальной обстановки их возникновения как единого предмета исследования позволило бы получить более полную картину. Речь идет именно об объединении, а не о существующих как бы по отдельности реконструкции контекста и концептуальном анализе, когда по отношению к последнему первый остается лишь декоративной рамкой. Такой подход отнюдь не предполагает необходимости полностью политизировать философию или растворить ее в социологии. Взвешенную середину представляет собой способ работы уже упоминавшегося ван дер Звейрде: разрабатывая концепцию политических условий возможности философской культуры, он стремится пройти мимо как социологизма, сводящего теоретические идеи к социальным практикам их производства, так и философизма, понимающего философию только через философию (Zweerde, 2014). Кажется, преодоление второй крайности в объяснении интеллектуальных концепций позволило бы объединить концептуальный, политический, идеологический и экзистенциальный аспекты отечественной мысли не как разные, а как один предмет исследования.

Хотелось бы отметить, что подходы, вдохновленные методологией Кембриджской школы, уже активно применяются в исследованиях по истории русской философии — однако, как правило, они касаются исключительно политической терминологии, употреблявшейся в публичном дискурсе и в общественной мысли (Атнашев, Велижев, 2018а). Представляется очевидным, что под таким углом можно было бы увидеть и историю религиозной мысли, что открыло бы перспективы, новые для западного читателя. В российской интеллектуальной истории религиозная и политическая мысль взаимосвязаны, и анализ этого феномена может привести к результатам, особенно актуальным в контексте переживаемого западной философией постсекулярного поворота и поиска новых путей, позволяющих работать с религиозными темами. Если западным интеллектуалам приходится экспериментировать на свой страх и риск, то в русской традиции мы можем обнаружить богатый опыт рефлексии о знании и вере, религии и секулярных политических институтах, православном предании и современности. Встречаются даже своеобразные формы политической теологии, примером которой могут служить идеи социальной философии Франка. При этом отечественные мыслители не только теоретизировали на темы религии и политики, но и сами стремились политически воздействовать на религию, что особенно видно на примере проектов В. С. Соловьева, ранних идей Н. А. Бердяева и движения «нового религиозного сознания». Но даже те, кто, подобно Франку, активно не стремились к реформированию церкви или воздействию на церковную иерархию, предлагали свои версии религиозной философии и тем самым совершали определенное политическое действие по образованию порядка дискурса о религии, свободного от регламентации церковной властью. Отличие российского православного контекста от западного, задающее специфику отношений между русскими философами и церковью, является скорее не ограничением, а возможностью обнаружить в российской интеллектуальной истории малоизвестные Западу стратегии интеллектуальной работы с религиозной проблематикой. Более того, рефлексивное исследование этой темы позволило бы увидеть зависимость судеб отечественной мысли не только от философских или политических, но и от религиозных процессов, оказавших на нее значительное влияние — вспомнить хотя бы отлучение Л. Н. Толстого от церкви, послужившее началом русского религиозного возрождения, или церковное осуждение софиологической концепции С. Н. Булгакова, по сути завершившее эпоху русской софиологии, вытесненной проектом неопатристического синтеза.

Такая методологическая рефлексия над проблемами, обозначенными Аляевым, позволила бы обнаружить новые перспективы как для исследования интеллектуального диалога России и Европы, так и для налаживания этого диалога в дальнейшем. В частности, она могла бы стать поводом для новых размышлений

над проблемой тех отношений русской и европейской культур, которые В. К. Кантор обозначает формулой русского европеизма (Кантор, 2015). Критическая работа также могла бы послужить решению поставленной Кантором задачи демифологизации русской культуры (Кантор, 2019), что необходимо для восприятия последней не как национальной экзотики, но как части мирового творческого наследия.

На первый взгляд, подход Аляева, анализирующего отнюдь не экзотическую, а близкую западной мысль Франка, кажется достаточным для осуществления подобной демифологизации. Однако и внутри истории философии бытует много своих мифов — в частности, о системе как высшем явлении мысли (эта идея лежит в основе концепций Зеньковского и поддерживается Аляевым, считающим начавшуюся с В. С. Соловьева эпоху систем классическим периодом русской философии (Аляев, 2020: 27–29). Феномен систем отнюдь не представляет собой некой вечной сущности; скорее в нем можно видеть наследие немецкого романтизма, под влиянием которого находилась отечественная традиция, зачарованная системами Гегеля и Шеллинга и, похоже, не желающая расставаться с очарованием системностью до сих пор. Развенчание этого мифа не только дело личных предпочтений, но методологическая необходимость, поскольку он явно ограничивает возможности исследований, подталкивая к противопоставлению систематических и публицистических (или литературных) интеллектуальных стратегий, так что многие исследователи отодвигают литературные произведения на второй план, а если и обращаются к ним, то лишь для того, чтобы «реконструировать» систему философии, например, Достоевского, которой у того, конечно же, не было. Признавая ценность систем, мы должны понимать и другие подходы, которыми особенно богата русская традиция: они могут оказаться более актуальными для современных дискуссий, чем метафизические системы. Чтобы провести демифологизацию научно и осторожно, а не в безответственном задоре постмодернизма, как раз важна рефлексия о предложенном ван дер Звейрде понятии философизма и не отвержение, а дополнение философского понимания философии вниманием к комплексному материалу интеллектуальной истории. Конечно, у исследователя, погруженного в современные течения, может возникнуть искушение вовсе отказаться от признания строго философского содержания русской мысли в угоду западным трендам, которые даже в силу институциональных особенностей (русской мыслью обычно занимаются не на философских факультетах, а на филологических и исторических) склоняются к его элиминации. В связи с этим необходимо помнить и об анализе теоретических концепций, и о кропотливой архивной работе, блестящий пример которых мы можем обнаружить в книге Аляева.

Предложенные размышления отнюдь не являются критикой проделанного Аляевым труда. Они скорее представляют собой осторожные предположения, каким образом еще можно работать с темами и проблемами, которые ставит автор книги. Разумеется, ни один подход не должен доминировать. Различные способы анализа истории русской философии могут находиться в том соборном общении, о котором любили говорить отечественные мыслители, — оно позволило бы преодолеть идеологические и методологические крайности, об опасности которых говорит Аляев.

Литература

- Аляев Г. Е.** (2020) Русская философия вокруг С. Л. Франка. Избранные статьи. М.: Модест Колеров. 736 с.
- Атнашев Т. М., Велижев М. Б.** (2018а) История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. II. № 3. С. 107–137.
- Атнашев Т. М., Велижев М. Б.** (сост.) (2018б) Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. М.: НЛО. 632 с.
- Звейрде Э. ван дер** (2017) Взгляд со стороны на историю русской и советской философии / пер. с англ. Е. А. Вахрамеевой и др., науч. ред. П. В. Аракчеева, А. Л. Доброхотов. СПб.: Алетейя. 556 с.
- Кантор В. К.** (2019) Демифологизация русской культуры. Философические эссе. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 400 с.
- Кантор В. К.** (2015) Трагедия и правда русского европеизма // Либеральные ценности и консервативный тренд в европейской политике и обществе / науч. ред.: Г. М. Михалева. РОДП «Яблоко». С. 53–64.
- Рорти Р.** (1994) Историография философии: четыре жанра // Рассел Б. История западной философии / пер. с англ., вступит. ст., комментарии И. Джохадзе. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та. С. 305–330.
- Zweerde, E. van der** (2014) On the Political (Pre-)conditions of Philosophical Culture, Transcultural Studies, Vol. 10, no. 1, pp. 63–92.

AROUND FRANK: CONTEXT
IN RESEARCH ON THE HISTORY OF RUSSIAN THOUGHT

Book Review: Aljaev G. E. (2020) *Russkaja filosofija vokrug S. L. Franka. Izbrannye stat'i* [Russian philosophy around S. L. Frank. Selected Articles], Moscow: Modest Kolerov

Ilija Pavlov

Research Assistant, International Laboratory
for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue,
National Research University Higher School of Economics.
21/4 Staraya Basmannaya, Office 215, Moscow, 105066, Russian Federation.
E-mail: elijahpavloff@yandex.ru

The book by G. E. Alyaev summarizes long-term research of the philosophy of S. L. Frank and other Russian thinkers. It contains the articles examine the main features of the heritage of Russian philosophers and the results of archival research. Alyaev's approach combines the aspects of conceptual analysis, reception history and archive work. The main sections of the book demonstrate the practical implementation of research ideas formulated in the introduction. The integrated methodology allows to avoid endless disputes on the ideological question if the Russian philosophy is "better" or "worse" than the Western one. Alyaev admits that the Russian thought, which often interprets itself as closer to real life than the Western intellectual traditions, explicitly sets the task of developing a national idea, but cannot be reduced to it. Moreover, the connection of the ideas of Russian philosophers to practical and political issues reveals its relevance for current intellectual discussions. Alaev's reflections are close to the approach demonstrated in the works of E. van der Zweerde, who emphasizes that the national dimension of philosophy should not be opposed to the universal one. However, the methodological aspect of Alaev's book is not sufficiently discussed and can be fruitfully supplemented by contemporary approaches of intellectual history.

Keywords: G. E. Alyaev, S. L. Frank, Russian philosophy, Soviet philosophy, E. van der Zweerde, post-secular turn, demythologization of Russian culture.

References

- Aljaev G. E. (2020) *Russkaja filosofija vokrug S. L. Franka. Izbrannye stat'i* [Russian philosophy around S. L. Frank. Selected Articles], Moscow: Modest Kolerov (in Russian).
- Atnashev T. M., Velizhev M. B. (2018a) Istorija politicheskikh jazykov v Rossii: k metodologii issledovatel'skoj programmy [History of Political Languages in Russia: Toward a Research Program Methodology]. *Philosophy: Journal of the Higher School of Economics*, vol. II, no 3, pp. 107–137 (in Russian).
- Atnashev T. M., Velizhev M. B., eds. (2018b) *Kembridzhskaja shkola. Teorija i praktika intellektual'noj istorii* [Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Zvejrde Je. van der (2017) *Vzgljad so storony na istoriju russkoj i sovetskoj filosofii* [An Outside Perspective on the History of Russian and Soviet Philosophy] (transl. from English E. A. Vakhrameeva and others, scientific ed. P. V. Arakcheeva, A. L. Dobrokhotov), St. Petersburg: Aletejja Алетейя (in Russian).
- Kantor V. K. (2019) *Demifologizacija russkoj kul'tury. Filosoficheskie jesse* [Demythologization of Russian Culture. Philosophical Essays] (scientific ed. G. M. Mikhaleva), Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ (in Russian).
- Kantor V. K. (2015) Tragedija i pravda russkogo evropeizma [The Tragedy and Truth of Russian Europeanism]. *Liberal'nye cennosti i konservativnyj trend v evropejskoj politike i obshhestve*, Moscow, RODP «Jabloko», pp. 53–64 (in Russian).
- Rorti R. (1994) Istoriografija filosofii: chetyre zhanra [Historiography of Philosophy: Four Genres]. *Rassel B. Istorija zapadnoj filosofii* (transl. from English, introductory article, comments I. Dzhokhadze), Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosib. gos. un-ta, pp. 305–330 (in Russian).
- Zweerde, E. van der. (2014) On the Political (Pre-)conditions of Philosophical Culture. *Transcultural Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 63–92 (in English).